

113
126
«Русское богатство» 1890, №4

мас. № 1040₆

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИПЪ.

Объективно-критическій очеркъ.

I.

Передъ нами нашъ старый знакомый—Иванъ Ильичъ. Онъ—человѣкъ ничѣмъ не выдающійся ни въ области науки, или искусства, ни въ области практическихъ мѣроріятій,— и несмотря на то, однако можно быть увѣреннымъ, что имя его—популярно и что память о немъ сохранится среди насъ надолго, до тѣхъ поръ, пока не перестанетъ въ русскомъ обществѣ водиться человѣкъ инерціи.

Не нужно смѣшивать людей инерціи съ людьми инертными. Съ понятіемъ инертности соединяется покой, съ понятіемъ инерціи—движеніе, но далеко не всякое, а только то, источникомъ котораго являются не внутренніе импульсы, не нравственное «я», а постороннее вмѣшательство, толчекъ извнѣ. Теперь, когда для насъ понятенъ человѣкъ инерціи, я перейду къ исторіи Ивана Ильича.

Исторія Ивана Ильича—и самая обыкновенная, и самая ужасная ¹⁾. Иванъ Ильичъ—покорный рабъ условій времени и мѣста; онъ—человѣкъ толпы и человѣкъ инерціи. Жить по инерціи—вотъ основное направленіе Ивана Ильича. И на языкъ невольно просится сравненіе—его, Ивана Ильича, съ разогнаннымъ помимо его воли челнокомъ. Жизнь—прихотливая и своенравная—разгоняетъ его безошаднымъ весломъ и сообщаетъ «челноку» такую страшную, неудержимую инерцію, что не разбиться онъ не можетъ, если нале-

¹⁾ См. «Смерть Ивана Ильича», 12 т. соч. Л. Н. Толстого.

на каменистый берег или на подводный рифъ. А налетать на рифъ — онъ налетитъ навѣрно, потому что рифъ — его разумное сознаніе, которое проснется не сегодня — завтра! Цикло и никогда не могъ его направить по дорогѣ истинной и плодотворной жизни. Онъ — сынъ чиновника, сдѣлавшаго въ Петербургѣ по разнымъ министерствамъ и департаментамъ ту достославную карьеру, которая доводитъ людей до того положенія, когда они не съютъ и не жуютъ, а Господь нитаетъ ихъ... Онъ — истинный продуктъ своей семьи и потому ея любимецъ. Онъ былъ всегда не такой холодный и аккуратный, какъ его старшій братъ, и не такой отчаянный, какъ младшій братъ. «Онъ былъ середина между ними — умный, живой, пріятный и приличный человекъ». Когда Иванъ Ильичъ еще учился въ Правовѣденіи, онъ былъ ужь тѣмъ, чѣмъ былъ впоследствии, всю свою жизнь — человекомъ способнымъ, весело добродушнымъ и общительнымъ, но строго исполняющимъ то, что онъ считаетъ своимъ долгомъ; долгомъ же онъ своимъ считалъ все то, что считалось таковымъ наввыше поставленными людьми. Онъ не заискивалъ ни у кого, и въ немъ однако было то, что онъ, какъ муха къ свѣту, тянулся къ наввыше поставленнымъ въ свѣтъ людямъ, усваивалъ себѣ ихъ приемы, ихъ взгляды на жизнь и съ ними устанавливалъ дружескія отношенія».

Когда онъ жилъ въ провинціи, гдѣ былъ чиновникомъ особыхъ порученій губернатора — онъ оставался вѣренъ самъ себѣ; Иванъ Ильичъ «служилъ, дѣлалъ карьеру и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно и прилично веселился». Пріятно и прилично!..

Когда онъ сталъ судебнымъ слѣдователемъ, онъ оставался все такимъ же «сomme il faut». Онъ поставилъ себя въ нѣкоторомъ достойномъ отдаленіи отъ губернскихъ властей, а избралъ «лучшій кругъ» изъ судейскихъ и богатыхъ дворянъ, жившихъ въ городѣ, и принялъ тонъ меляго недовольства правительствомъ, умѣренной либеральности и цивилизованной гражданственности. Все это въ мѣру — и опять таки пріятно и прилично!..

Иванъ Ильичъ уже — товарищъ прокурора. Еще семь лѣтъ — онъ прокуроръ и наконецъ онъ — старый прокуроръ! Но мало этого — онъ ѣдетъ въ Петербургъ и будетъ хлопотать; и, чтобы наказать всѣхъ тѣхъ, которые его не опѣнили, онъ перейдетъ въ другое министерство и онъ накажетъ

ихъ!.. Благодаря протекци его поѣзка увѣчалась положительнымъ и неожиданнымъ успѣхомъ. Иванъ Ильичъ теперь— не кто-нибудь, не мелкотравчатый чиновникъ, а членъ судебной палаты—величина. И все пошло опять—легко, приятно и прилично, даже виртуозно. Дома-ли, въ судѣ-ли свою партію Иванъ Ильичъ отдѣлывалъ отчетливо и добросовѣстно—безъ скуки, если не было винта, со скукой, если упускался случай повинтить. И въ общемъ получалось то, что «радости служебныя были радости самолюбія: радости общественныя были радости тщеславія; но настоящія радости Ивана Ильича были радости игры въ винтъ». Отличѣйшій служака, милый человѣкъ и добросовѣстный партнеръ! Во всемъ безукоризненность, во всемъ порядочность!.. Все хорошо, но горе въ томъ, что не испытывалъ Иванъ Ильичъ семейныхъ радостей, не зналъ Иванъ Ильичъ ни дружбы истинной и ни того, что можетъ удержать отъ страха смерти. Все это онъ почувствовалъ особенно тогда, когда имъ овладѣла страшная, мучительная боль, и смерть—всесильная, неумолимая—раскрыла леденящія объятія...

Семья? Иванъ Ильичъ женился по особеннымъ соображеніямъ—довольно низкопробнаго, сомнительнаго свойства. Онъ дѣлалъ для себя «приятное» и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлалъ то, что «наивысше поставленные люди считали правильнымъ». Онъ очень скоро понялъ, что супружеская жизнь, по крайней мѣрѣ съ его женою, не всегда содѣйствуетъ приятностямъ и приличію жизни, а, напротивъ, часто нарушаетъ ихъ, и что поэтому необходимо оградить себя отъ этихъ нарушенийъ. И онъ добился этого, онъ выгородилъ для себя независимый міръ и отношенія его къ семьѣ приобрѣли характеръ жесткой, убивающей казенщины. А послѣ: ссоры, неурядицы и отчужденіе, и только рѣдкіе періоды влюбленности, какъ островки, немного скрашивали безобразіе казенщины. Иванъ Ильичъ такое положеніе семьи считалъ вполне нормальнымъ и нужно было только закрѣпить его, упрочить. Онъ закрѣпилъ его, и стало хорошо—о, хорошо-то какъ!

Теперь друзья? Иванъ Ильичъ имѣлъ «друзей»—друзья-партнеры и друзья-протекція. Иванъ Ильичъ былъ убѣжденъ, что всѣ они его и почитали, и любили. И почитали, и любили? Но за что?

Нѣтъ ни семьи, нѣтъ ни друзей. Но что же есть? Бругомъ есть ложь, есть одиночество среди безчисленныхъ

знакомыхъ и семья, есть наконецъ тоска, душевныя терзанія и есть страхъ смерти. Откуда это все? И въ голову Ивана Ильича невольно вкрадывается докучливая мысль: «Можетъ быть, я жилъ не такъ, какъ должно?» Не можетъ быть. Иванъ Ильичъ разбитъ физически, измученъ нравственно. Еще одинъ — два дня и онъ умретъ. Кругомъ царящая, все разъядающая ложь въ немъ возбуждаетъ ненависть. Онъ хочетъ правды, только правды — и эта правда открывается ему. Наконецъ-то пришло ему въ голову, что «то, что ему представлялось прежде совершенной невозможностью, то, чтобы онъ прожилъ свою жизнь не такъ, какъ должно было, что это могло быть правда. Ему пришло въ голову, что тѣ его чуть замѣтныя поползновенія борьбы противъ того, что наивысше поставленными людьми считалось хорошимъ, поползновенія чуть замѣтныя, которыя онъ тотчасъ же отгонялъ отъ себя, что они то и могли быть настоящія, а остальное все могло быть не то. И его служба, и его устройство жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы, все это могло быть не то. Онъ попытался защитить передъ собой все это. И вдругъ почувствовалъ всю слабость того, что онъ защищаетъ». И защищать стало нечего. Когда онъ увидалъ затѣмъ свою жену — ея одежда, ея сложеніе, выраженіе ея лица, звукъ ея голоса — все сказало ему одно: «не то. Все то, чѣмъ ты жилъ и живешь — есть ложь, обманъ, скрывающій отъ тебя жизнь и смерть». И наконецъ пробная его последняя часть. Жена его «съ душевнымъ прискорбіемъ» оповѣстила родныхъ и знакомыхъ о кончинѣ «возлюбленнаго» супруга своего, члена судебной палаты Ивана Ильича Головина. И этотъ грустный «инцидентъ» среди давнишнихъ «истинныхъ» друзей Ивана Ильича не вызвалъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ соображеній о перемѣщеніяхъ и о возможныхъ измѣненіяхъ по службѣ.

Такіе люди, какъ Иванъ Ильичъ, извѣстны каждому. У каждаго изъ насъ среди знакомыхъ намъ есть непременно нѣсколько Ивановъ Ильичей — и настоящихъ, форменныхъ, заматерѣвшихъ, и зарождающихся, молодыхъ, не сформовавшихся. Они разсыяны кругомъ въ громадномъ количествѣ и, если мы имѣемъ право чѣмъ-нибудь гордиться передъ остальными странами, такъ это изобиліемъ Ивановъ Ильичей. Мы, русскіе, прекрасно сознаемъ, что за последнее столѣтіе мы создали великую литературу, мы сознаемъ, что воспи-

тали знаменитостей, отдавшихъ дань наукѣ и искусству: но мы же сознаемъ и то, что это не является для насъ особой, специфической заслугой—мы знаемъ, что Европа и Америка способны въ этомъ отношеніи поконкуррировать съ Россіей. Но есть у насъ одна особенность, одно явленіе, стоящее внѣ всякой конкуренціи—вотъ это то и будетъ наша плодovitость на такихъ людяхъ, какъ пресловутый, жалконькій, живописуемый Толстымъ и имъ же возведенный въ типъ, Иванъ Ильичъ.

Не нужно, впрочемъ, думать, что такіе люди являются какимъ-то исключительнымъ продуктомъ нашей канцелярив, что создаетъ ихъ только міръ чиновничій, что міръ науки, напр., исключаетъ самую возможность появленія такихъ людей въ своей средѣ. Напротивъ, эти люди есть вездѣ, во всѣхъ слояхъ, во всѣхъ кругахъ—вездѣ, гдѣ есть условія для процвѣтанія инерціи, гдѣ допускается и даже поощряется одностороннее развитіе субъекта въ ущербъ его духовной личности, гдѣ не считается преступнымъ страшное и иногда безстыльное преобладаніе животной личности, и—умственной надъ нравственной. Прекрасной иллюстраціей того, какихъ чудеснѣйшихъ Ивановъ Ильичей даетъ намъ міръ науки, можетъ послужить: «Скучная исторія» Чехова ¹⁾.

Здѣсь обрисованъ человекъ не изъ толпы и несмотря на то, при всей его учености, при всей идейности, въ немъ тоже слишкомъ сильно говоритъ побѣдоносная и своевластная инерція. Онъ—Николай Степановичъ, заслуженный профессоръ, тайный совѣтникъ и кавалеръ, мечталъ когда-то быть врачомъ, о чемъ мечтали и мечтаютъ чуть не всѣ семинаристы. Дорога къ званію врача вполне опредѣленная, и онъ пошелъ по ней. Но онъ пошелъ гораздо далѣе, чѣмъ смѣлъ мечтать, не даромъ же онъ былъ трудолюбивъ, выносливъ и талантливъ! Онъ, выражаясь образно, все время шелъ въ одинъ изъ этажей какого-то большого зданія, но въ увлеченіи и по инерціи—попалъ-де на дорогу!—онъ поднялся куда-то выше, въ тотъ этажъ, гдѣ можно встрѣтить не людей, а только отвлеченныя начала, формулы, гипотезы, теоріи. Онъ шелъ туда, гдѣ есть страданія и возгласы о помощи, а обаялся тамъ, гдѣ пусто, холодно и есть одно эгоистическое наслажденіе...

¹⁾ См. «Русск. Бог.» 1890 г. № 1, ст. Совершателя.

хотя-бы наукой. Онъ пробылъ здѣсь до старости, онъ жилъ одинъ и разучился понимать страданія, происходящія въ бытомъ, нижнемъ этажѣ. Теперь онъ снова слышитъ возгласы о помощи, но онъ уже безсиленъ отвѣчать на нихъ.

Вотъ Лиза, дочь! Но для отца душа ея темна. Когда въ душѣ ея клокочетъ драма, отецъ не можетъ уяснить ее и думать, что это «пустяки», пройдетъ...

Вотъ, Батя! Имя ей «сокровище». И та — непонята, и той не можетъ онъ помочь. А какъ бы онъ хотѣлъ помочь!

Все это понимаетъ Николай Степановичъ теперь, когда одной ногой стоитъ уже въ могилѣ. Онъ чувствуетъ теперь, что и въ его пристрастїи къ наукѣ, и въ его желаньи жить и въ его стремленїи познать самого себя, во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятїяхъ, есть какой-то важный недостатокъ, изъянъ, нѣтъ чего-то общаго, что связывало бы все это въ одно цѣлое... Нѣтъ въ немъ того, что называется «общей идеей или Богомъ живого человѣка»... Онъ — Николай Степановичъ, ученый, знаменитый человѣкъ, не можетъ скрыть теперь ни отъ другихъ, ни отъ себя, что «побѣжденъ», что жизнь его полна не просто ненормальностей, а вопиющихъ ненормальностей, что жизнь его во многомъ, если не во всемъ, не то, что должно было быть.

Я укажу теперь еще на очень близкій типъ, обрисованный Елизаю Оржешко въ разсказѣ «Одна сотая»¹⁾.

Все та же скучная исторїя. Все тотъ же типъ, только въ другомъ одѣяніи. Онъ — не чиновникъ, какъ Иванъ Ильичъ, и не ученый, какъ у Чехова. Онъ просто «свѣтскій человѣкъ, гуляка, пустомеля». «Бто же, спрашиваетъ онъ, — у насъ на родинѣ и, увы, даже въ нѣкоторыхъ странахъ Европы не слыхалъ обо мнѣ, о томъ сумасбродномъ мальчишкѣ-миллионерѣ, который въ теченїе десяти лѣтъ сумѣлъ ухлопать и миллионы свои и жизнь?» Теперь, когда онъ задыхается и умираетъ, когда онъ проситъ только морфію и морфію, онъ начинаетъ сознавать, что жизнь его растрочена и гаупто въ высшей степени, и подло, подло, подло!.. А тоска-то, тоска!.. Въ немъ было, правда доброе начало, но это же — только одна сотая! Всѣ остальные 99 сотыхъ его внутренней и внѣшней жизни представлялись мерзостью и отвратительною

¹⁾ См. «Русск. Богат.», 1889. XII.

Безголковщиной. О чемъ онъ вспоминаетъ съ наслажденіемъ и радостью, такъ это только тѣ моменты его жизни, когда онъ жертвовалъ изъ безкорыстной любви къ брату, къ ближайшему участнику личнаго благополучія, когда его «благодарилъ» какой-нибудь мужикъ, когда его прощала и благословляла «милая бабуся», когда онъ сознавалъ, что онъ не просто «ясный панъ», а добрый и хороший человекъ.

Въ уста такихъ людей, какъ онъ, когда они лежатъ уже въ могилѣ, фантазія поэта смѣло можетъ вложить горькое признание:

«Много важныхъ и знатныхъ особъ
До могилы меня провожало,
Но на мой разукрашенный гробъ
Ня одной слезы не упало...
Изъ пустого тщеславья родня
Монументомъ богатымъ почтила
Бѣдный прахъ мой и тутъ же меня
Навсегда и совсѣмъ позабыла» ¹⁾.

II.

Передъ нами прошли представители трехъ различныхъ круговъ общества и всѣ они являются людьми инерціи— все это люди пепутевые. Все окружающее ихъ не воспитало ихъ достойнымъ образомъ, не сообщило имъ живыхъ, полезныхъ импульсовъ, а погубило ихъ, убило ихъ. Инерція была той почвой, на которой крѣпнулъ эгоизмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ росло страданіе. Жизнь знаменитаго ученаго въ разсказѣ Чехова—намъ стоитъ только заглянуть въ нее поглубже—въ такой же степени эгоистична и своекорыстна, какъ прозябаніе Ивана Ильича и, растратившаго состояніе, миллионера. Помнилъ-ли кто-нибудь изъ нихъ о страданіяхъ ближняго? Заботился-ли кто-нибудь изъ нихъ понять страданія, помочь страдающимъ?

Всѣ они помнили только о себѣ и соблюдали только интересы личности. Всѣ они жили въ свое удовольствіе. Ивану Ильичу «пріятно» было создавать себѣ карьеру; герою Че-

¹⁾ См. «Три могилы» Михаловскаго, «Русск. Мысль», 89, IX.

хова. уленѣйшему изъ ученыхъ, «приятно» было постигать судьбы спинного мозга и т. п.; герою «Одной сотой» — опьянить себя развратомъ. Во имя самоуслаждения и нѣсколько сомнительныхъ «приятностей» они забыли обо всѣхъ и вся. Во имя самоуслаждения они готовы были запереться въ герметическихъ коробкахъ и куковать наединѣ свои однообразныя мелодии. Затѣмъ, чтобы понять, какъ эти люди появляются и могутъ-ли они быть счастливы, намъ нужно помнить только то, что могутъ быть и есть условія, въ которыхъ человѣкъ позабываетъ о вопросахъ истинно-разумной жизни.

Есть два вопроса — очень важныхъ — въ связи съ рѣшеніемъ которыхъ стоитъ вся наша жизненная практика. Вопросы эти — «что такое жизнь?» и «въ чемъ ея благо?»

Чтобы мы ни дѣлали, ихъ нужно задавать себѣ и помнить такъ же, какъ мы помнимъ объ ѣдѣ и другихъ существенныхъ потребностяхъ. А между тѣмъ — мы знаемъ — очень часто люди помнить объ ѣдѣ и о другихъ своихъ такъ называемыхъ «существенныхъ» потребностяхъ и забываютъ совершенно, (чтобы вспомнить только накануне смерти), о вопросахъ истинно разумной жизни.

Но почему же это люди забываютъ о вопросахъ истинно разумной жизни? Да и приходятъ ли они когда-нибудь въ ихъ голову? Еще бы! Но почему-же, если такъ, они забываютъ? Простой и вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснѣйшій отвѣтъ находится у Толстого.

Родится человѣкъ и въ первые годы своей жизни учится однимъ примѣромъ людей, живущихъ вокругъ него — кругомъ же масса фарисеевъ, внижниковъ и прочихъ лжеучителей и все они живутъ для блага личной жизни «Если родители его въ нуждѣ, онъ узнаетъ отъ нихъ, что цѣль жизни — приобрѣтеніе побольше хлѣба и денегъ и какъ можно меньше работы для того, чтобы животной личности было какъ можно лучше. Если онъ родится въ роскоши, то онъ узнаетъ, что цѣль жизни — богатство и почести, чтобы какъ можно пріятнѣе и веселѣе провести время. Все знанія, которыя приобрѣтаетъ бѣдный, нужны для него только ради того, чтобы улучшить благосостояніе своей личности. Все знанія науки и искусствъ, которыя приобрѣтаетъ богатый, несмотря на все высокія слова о значеніи науки и искусствъ, нужны ему только для того, чтобы побороть скуку и провести пріятно время. Чѣмъ дольше живетъ и тотъ и другой, тѣмъ сильнѣе

и сильнѣе всасывается въ нихъ царствующій взглядъ людей міра. Они вступаютъ въ бракъ, заводятся семьей, и жадность къ пріобрѣтенію благъ животной жизни усиливается оправданіемъ семьи: борьба съ другими ожесточается, и устанавливается привычка жизни только для блага личности». И это благо личности, животной личности, становится единственнымъ руководителемъ! Но человекъ есть человекъ и начинаетъ сомнѣваться въ томъ, что избранный имъ путь, рутинный путь—хорошъ... Онъ обращается съ вопросами туда-сюда, и къ книжникамъ и къ фарисеямъ. Но тамъ и здѣсь ему не отвѣчаютъ на его вопросы или отвѣчаютъ такъ, что только заслоняютъ истину, когда-то давнюю великими учителями человечества. И сомнѣвающийся человекъ, не получивъ на свой вопросъ ни отъ кого опредѣленнаго отвѣта, такъ-же, какъ и раньше, остается безъ другого руководства въ жизни, кромѣ побужденій своей личности. А жить надо! «И вотъ тутъ-то—говоритъ Толстой—человекъ волей-неволей подчиняется уже не разсужденію, а тому внѣшнему руководству жизни, которое всегда существовало и существуетъ въ каждомъ обществѣ людей». А руководство это—все равно, что двери лабиринта,—только и способствуетъ тому, что человекъ заблудится еще сильнѣе, безвозвратнѣе!.

«Руководство это есть привычка жизни обществъ людей, тѣмъ сильнѣе властвующая надъ людьми, чѣмъ меньше у людей пониманія смысла своей жизни. Руководство это не можетъ быть опредѣленно выражено, потому что оно складывается изъ самыхъ разнообразныхъ по времени и мѣсту дѣлъ и поступковъ... Это — вѣрность своему знамени и честь мундира для военнаго, дуэль для свѣтскаго человека, кровомщеніе для горца; это извѣстныя кушанья въ извѣстные дни, извѣстнаго рода воспитаніе своихъ дѣтей; это визиты, извѣстное убранство жилищъ, извѣстныя празднованія похоронъ, родинъ, свадьбы. Это—безчисленное количество дѣлъ и поступковъ, наполняющихъ всю жизнь. Это то, что называется приличіемъ, обычаемъ, а чаще всего долгомъ, священнымъ долгомъ». Кромѣ говора, единственнымъ руководителемъ жизни является для многихъ инерція жизни, не имѣющая разумнаго объясненія. И до глубокой старости, до смерти даже «доживаютъ люди, стараясь уверить себя, что, если они сами не знаютъ, зачѣмъ они живутъ, то это знаютъ другіе, — тѣ самые, которые

точно такъ же мало знаютъ это, какъ и тѣ, которые на нихъ полагаются».

Не мудрено, что при такихъ условіяхъ позабываются вопросы истинно-разумной жизни. На этой почвѣ нарождается и размножается заблудшій человѣкъ. Толчется онъ и думаетъ, что эта толчея — есть жизнь, а между тѣмъ онъ не жилъ настоящей жизнью и потолкался только у дверей ея...

Удачную характеристику такихъ людей даетъ Щедринъ въ разсказѣ «Больное мѣсто», гдѣ обрисованъ бюрократъ — такой-же, какъ Иванъ Ильичъ, несчастный и заброшенный, хотя онъ и жилъ «по сущей совѣсти» и «даже мухи не обидѣлъ», хотя онъ дѣлалъ постоянно «дѣло» и при отставкѣ получилъ чинъ тайнаго совѣтника. «Есть на Руси — говоритъ Щедринъ — великое множество людей, которые, повидимому, отказались отъ всякой попытки мыслить и которымъ, однакожь, никакъ нельзя отказать въ названіи мыслящихъ людей. Это именно тѣ мистики, которыхъ жизненный искусъ заранѣе осудилъ на разработку тезисовъ, бросаемыхъ извнѣ, тезисовъ, такъ сказать, являющихся на арену во всеоружіи непререкаемой истины. Они не анализируютъ этихъ тезисовъ, не вникаютъ въ ихъ сущность, но умѣютъ выжать изъ нихъ всѣ логическія послѣдствія, какія они способны дать. Это люди несомнѣнно умные, но умные, такъ сказать, за чужой счетъ, и являющіе силу своихъ мыслительныхъ способностей не иначе, какъ на вещахъ, не имѣющихъ въ немъ лично ни малѣйшаго отношенія». Такие люди, вспоминая свое прошлое, приходятъ къ убѣжденію, что это прошлое было для нихъ случайнымъ чѣмъ-то, не своимъ, не собственнымъ, а безсердечно имъ навязаннымъ, приказаннымъ...»

Заблудшій человѣкъ, каковой такъ мѣтко обрисованъ и Толтымъ и Щедринымъ, несчастенъ. Потому что благо его личности, къ которому стремится онъ, недостижимо, и потому еще, что онъ не знаетъ — въ чемъ же заключается другая, истинная жизнь?

1) Что благо личности недостижимо — въ этомъ человѣкъ ежеминутно — ежечастью убѣждается изъ жизни.

«Стремясь къ достиженію своего блага, человѣкъ замѣчаетъ, что благо это зависитъ отъ другихъ существъ. И, наблюдая и разсматривая эти другія существа, человѣкъ видитъ, что всѣ они, и люди, и даже животныя, имѣютъ точно такое-же представленіе о жизни, какъ и онъ. Каждое изъ этихъ су-

щество точно такъ же, какъ и онъ, чувствуетъ только свою жизнь важною и настоящею, а жизнь другихъ существъ только средствомъ для своего блага. Человѣкъ видитъ, что каждое изъ живыхъ существъ точно такъ же, какъ и онъ, должно быть готово, для своего и маленькаго блага, лишитъ большаго блага и даже жизни всѣ другія существа, а въ томъ числѣ и его, такъ разсуждающаго человѣка. И, понявъ это, человѣкъ невольно дѣлаетъ то соображеніе, что, если это такъ — а онъ знаетъ, что это несомнѣнно такъ — то не одно и не десятокъ существъ, а всѣ безчисленные существа міра, для достиженія каждаго своей цѣли, всякую минуту готовы уничтожить его самого, — того, для котораго и существуетъ жизнь. И, понявъ это, человѣкъ видитъ, что его личное благо, въ которомъ одномъ онъ понимаетъ жизнь, не только не можетъ быть легко приобрѣтено имъ, но, навѣрное, будетъ отнято отъ него». Помимо этого «онъ начинаетъ испытывать ослабленіе силъ, и болѣзни, и глядя на болѣзни, старость и смерть другихъ людей, онъ замѣчаетъ еще и то, что самое его существованіе, въ которомъ одномъ онъ чувствуетъ настоящую, полную жизнь, каждымъ часомъ, каждымъ движеніемъ приближается къ ослабленію, старости, смерти; что жизнь его, кромѣ того, что она подвержена тысячамъ случайностей уничтоженія отъ другихъ борющихся съ нимъ существъ и все увеличивающимся страданіямъ, по самому свойству своему есть только не перестающее приближеніе къ смерти, къ тому состоянію, въ которомъ вмѣстѣ съ жизнью личности, навѣрное уничтожается всякая возможность какого бы то ни было блага личности».

Жизнь такого человѣка есть желаніе блага себѣ, именно себѣ, и онъ видитъ, убѣждается, что благо это невозможно!

2) Но, если такъ, то, можетъ быть, онъ знаетъ то, въ чемъ заключается другая, истинная жизнь, и, можетъ, онъ сумѣетъ перестроить прежнюю, животную на новый совершенный ладъ? Все это такъ, но дѣло въ томъ, что эти люди очень поздно начинаютъ сознавать, что жизнь испорчена, — тогда, когда ошибки ихъ всосутся въ кровь, когда тлетворный ядъ проявляетъ все ихъ существо, когда зараза стаетъ просто и просто неизлѣчимою... Помимо этого — та истинная жизнь, какую открываетъ имъ разумное сознаніе, настолько различается отъ прежней, безтолковой суеты суетъ, что не приходится имъ по часу и представляется невѣроятно трудной,

даже невозможной... Въ нихъ остается горькое сознание, что прошедшая ихъ жизнь—не то, совсемъ не то, что должно быть, а новое вино въ мѣхи старые не вливается!.. Затѣмъ, чтобы понять, какъ велика и какъ бездонна пропасть между жизнью истинной и той неистинной, животной, низменной, какою многие живутъ до старости—достаточно припомнить тѣ опредѣленія жизни, которыя въ разное время дѣлались различными мудрецами.

«Жизнь—это распространение того свѣта, который для блага людей сошелъ въ нихъ съ неба», сказалъ Конфуцій за 600 лѣтъ до Р. Х.

«Жизнь—это странствование и совершенствование душъ, достигающихъ все большего и большаго блага», сказали брамины того же времени.

«Жизнь—это отречение отъ себя для достиженія блаженной Нирваны», сказалъ Будда, современникъ Конфуція.

«Жизнь—это путь смиренія и униженія для достиженія блага», сказалъ Лао-Дзи, тоже современникъ Конфуція.

«Жизнь—это то, что вдунуль Богъ въ ноздри человѣка для того, чтобы онъ исполнялъ его законъ, получалъ благо», говоритъ еврейская мудрость.

«Жизнь—это подчиненіе разуму, дающее благо человѣку», сказали стоики.

«Жизнь—это любовь къ Богу и ближнему, дающая благо человѣку», сказалъ Христосъ, включая въ свое опредѣленіе всѣ предыдущія.

III.

При оцѣнкѣ художественной красоты и важности тѣхъ или другихъ литературныхъ явленій каждый читатель можетъ идти двумя путями. Первый путь—это путь субъективной оцѣнки. Для человѣка, пожившаго и видавшаго много видовъ, этотъ путь можетъ считаться довольно надежнымъ. Субъективная оцѣнка опирается на единичный, личный опытъ и личный вкусъ. Изучая тотъ или другой литературный типъ, человѣкъ съ обширнымъ опытомъ и развитымъ чутьемъ способенъ очень вѣрно оцѣнить его, и не соображаясь въ каждомъ частномъ случаѣ съ опытомъ другихъ. Онъ самъ послужитъ и ручательствомъ за вѣрность имъ предложенной оцѣнки. Моменты для сравненія, критеріи хранятся въ его прошломъ—

въ томъ видѣнномъ и слышанномъ, пережитомъ, что сохранилось въ его памяти. Типично то, что онъ видѣлъ на каждомъ шагѣ. Типично то, что онъ, быть можетъ, и не видѣлъ, и не ощущалъ, а чувствовалъ, подозрѣвалъ всегда, вездѣ. Типично наконецъ не то, что чувствовалось только имъ, а чувствовалось многими, громаднымъ большинствомъ.

Проверкой перваго пути можетъ послужить второй путь — путь объективной оцѣнки, который къ сожалѣнію не практикуется присяжной критикой «за недостаткомъ времени». Въ отличіе отъ субъективной, объективная оцѣнка типовъ смѣетъ опираться не на единичный, а на соединенный опытъ. Примѣняющій эту оцѣнку обязанъ знать отношеніе къ этому типу возможно большаго количества людей — цѣлыхъ агрегатовъ—будь то присяжные цѣпители, будь то простые смертные, но чуткіе и наблюдательные люди. На основаніи анализа сложившихся о данномъ типѣ мнѣній, на основаніи всѣхъ чувствъ, идей и настроеній, забродившихъ въ обществѣ по поводу извѣстнаго литературнаго явленія, — на основаніи всего, что возникаетъ въ связи съ нимъ въ литературѣ или въ жизни, каждый можетъ безъ особыхъ затрудненій и съ несомнѣнной выгодой для дѣла оцѣнить извѣстный типъ и вообще извѣстное литературное явленіе. Онъ не обязанъ рабски подтверждать чужое мнѣніе и говорить съ чужого голоса, но онъ обязанъ разобраться въ массѣ голосовъ и отдѣлать все то, что отмѣчается печатью убѣжденія, а не партійности, не легкомыслія, не пустозвонства...

На основаніи всего, что говорилось мною раньше, можно придти къ тому заключенію, что Иванъ Ильичъ является типичнымъ представителемъ извѣстной категории людей, что этотъ типъ въ своихъ различныхъ проявленіяхъ охватываетъ самые разнообразные круги нашего общества. Подъ этотъ типъ подходятъ — и чиновникъ, и ученый, и обыкновенный свѣтскій человекъ, гуляка, пустомеля и т. п. Одно ужъ то, что онъ — Иванъ Ильичъ — встрѣчается въ такихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, что онъ — во всемъ, вездѣ, — одно ужъ это говорить за всеобъемлемость, за глубину и важность типа. Стоитъ къ этому прибавить еще нѣсколько словъ — и субъективная оцѣнка типа была бы готова. Но... да позволять мнѣ пойти другимъ путемъ — путемъ объективной оцѣнки. Необходимо по возможности прислушаться и разобраться въ голосахъ, какіе

раздаются въ обществѣ по поводу типичности Ивана Ильича и подвести итогъ.

Какъ знаютъ всѣ, наше общество встрѣтило «Смерть Ивана Ильича» съ распростертыми объятіями и съ неумѣреннымъ восторгомъ. «Смерть Ивана Ильича» была многими объявлена чѣмъ то совершенно небывалымъ въ русской литературѣ. Восторженность была столь велика, успѣхъ произведенія столь необыченъ, что многіе изъ подвизавшихся на поприщѣ литературной критики сочли необходимымъ охладить столь необузданный восторгъ. Послышались безцеремонныя упреки восторгавшимся не просто въ увлеченіи, а въ «одурѣніи», въ томъ одурѣніи, въ которомъ человѣкъ, желая помолиться, разбиваетъ себѣ лобъ. Позабывали только обличители такого «одурѣнія», что это одурѣніе произошло не почему-нибудь, а потому, что ихъ, заволновавшихся, ударили по самому большому мѣсту — ихъ обличали съ безпощадностью, подавляли мѣткостью и глубиной анализа!..

«Иванъ Ильичъ — вѣдь это мы!»

Не потому же говорили это «одурѣвшіе» — что имъ хотѣлось, изъ любви къ искусству, обличать себя?.. Для образца такого самообличенія я укажу на два — три голоса.

«Зачѣмъ это писать — кричать откровенные люди — зачѣмъ это печатать, зачѣмъ бросать въ лицо людямъ такую страшную правду, зачѣмъ отнимать иллюзіи даже у тѣхъ, которые расстаются со свѣтомъ и которымъ иллюзіи такъ смягчаютъ смерть?»

Такіе люди содрogaются при видѣ безпощадности толстевскаго анализа. Отважность этого анализа они готовы сравнить съ разбойничьимъ ножомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они въ немъ видятъ правду, только правду!.. Другіе люди подтверждаютъ или дополняютъ ту же мысль. Они увѣрены, что «Смерть Ивана Ильича» является образчикомъ такого реализма и такой глубокой, неприкрашенной правды, какіе «едва ли отыщутся у величайшихъ художниковъ слова». Они убѣждены, что «тысячи Ивановъ Ильичей, тысячи обыкновенныхъ людей, читая этотъ простой, мѣстами даже до грубости простой рассказъ, содрогнутся отъ его поученія и задумаются о своей жизни, какъ никогда не задумывались они». Они настолько поражаются типичностью Ивана Ильича, что не стѣсняются гиперболой и «Смерть Ивана Ильича» считают самымъ во-

учительнымъ изъ всѣхъ разсказовъ, когда либо написанныхъ, и самымъ потрясающимъ.

Затѣмъ, чтобы быть непристрастнымъ, укажу и на другіе голоса, не признававшіе типичности въ Иванѣ Ильичѣ. Такіе голоса, во-первыхъ, далеко не многочисленны, а во-вторыхъ не отличаются особымъ непристрастіемъ. Хедульность отрицанія типичности Ивана Ильича столь несомнѣнна, что я считаю себя въ правѣ ограничиться однимъ — двумя примѣрами такого отрицанія.

Есть мнѣніе такого рода: Иванъ Ильичъ — не типъ, да и не близокъ къ типу. «Такіе люди есть, конечно; они живутъ и умираютъ такъ, какъ изобразилъ графъ Толстой. Но есть и не такіе въ томъ же обществѣ, съ тѣмъ же прошлымъ и при томъ же общественномъ положеніи». Но если въ самомъ дѣлѣ въ обществѣ есть люди — не такіе, какъ Иванъ Ильичъ, то развѣ это служить доказательствомъ того, что онъ — не типъ? Вѣдь, если такъ, то намъ пришлось бы отрицать типичность Хлестакова и прочихъ диковинокъ Гоголя, типичность Рудинныхъ, Базаровыхъ и пр. Не смѣемъ же мы думать, что все общество, что даже половина, даже четверть общества составлена изъ чистокровныхъ Хлестаковыхъ, изъ чистокровныхъ Рудинныхъ, Базаровыхъ и пр.? А, если такъ, зачѣмъ же мы хотимъ, чтобы Толстой въ своемъ Иванѣ Ильичѣ подвелъ подъ общій знаменатель всѣхъ и всл?.. Зачѣмъ мы требуемъ такой всеобщности и безусловности? Я только этимъ ложнымъ пониманіемъ типичности способенъ объяснить себѣ ту неприличную придирчивость и странности различныхъ критиковъ, когда они для подтвержденія своего мнѣнія о нетипичности Ивана Ильича высказываютъ «мысли» въ слѣдующемъ родѣ: «Паденіе съ лѣстницы было «неприятностью», но неприятностью совершенно случайною и чрезвычайно рѣдко встрѣчающеюся на жизненномъ пути членовъ судебнаго вѣдомства. Насколько намъ извѣстно, они чаще болѣютъ и умираютъ жертвами сидячей жизни въ судѣ и за картами. Съ этой стороны изъ повѣсти Толстого можно вывести лишь одно поученіе, что не слѣдуетъ важнымъ чиновникамъ братья за дѣло драпировщика и лазить по лѣстницамъ». И эта-то игра воображенія — довольно пошловатая — считается аргументаціей въ пользу нетипичности Ивана Ильича!

Я приведу еще другое мнѣніе о нетипичности Ивана Ильича. Оно серьезнѣе, но и оно покоится на ложномъ осно-

ванн. Оно — не баловство, а убеждение, хотя бы и не верное. Автор этого мнения сознается в том, что во всей истории и обликъ Ивана Ильича есть «много правды, правды обидной и горькой, правды, которая попадает нашей мѣщанской пошлости не въ бровь, а въ глазъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сомнѣвается въ его правѣ на роль «нашего» представителя. «Мы — говоритъ онъ — чтѣ дѣлать, пошловатые и пустоватые люди, но люди однако же, а вашъ Иванъ Ильичъ — не человѣкъ, а какой-то чурбанъ. Онъ не только обезличенъ, онъ обездушенъ Толстымъ и въ этомъ уже нѣтъ ни житейской, ни художественной правды». Но въ чемъ же эта обездушенность, чурбанство типа? А въ томъ, что онъ лишентъ элементарнѣйшихъ, человѣческихъ чувствъ. У него нѣтъ ни семьи, хотя онъ мужъ и отецъ, — ни друзей, хотя есть единомышленники и сослуживцы; у него есть только начальники, подчиненные и партнеры; у него нѣтъ отечества, а есть только палата, въ которой онъ благополучно засѣдаетъ! Все это побуждаетъ автора и многихъ заключать, что нравственно-опустошенный, обездушенный Иванъ Ильичъ — не типъ, а единица, исключение... Но, если такъ, то въ чемъ же эта правда-то, та обидная, горькая правда, которая «попадаетъ нашей мѣщанской пошлости не въ бровь, а въ глазъ?» Одно изъ двухъ — или это правда, горькая, обидная, или это ложь и клевета; но, если это клевета, то почему же вы, вы сами, видите въ ней правду?.. Отвѣтить такъ: «согласны, что Иванъ Ильичъ срисованъ съ насъ, что въ немъ есть много нашего, но для чего же такъ каррикатурить насъ, зачѣмъ такъ безусловно отрицать въ насъ человѣка?»

«Каррикатурить насъ?»

На это я отвѣчу, что такъ смотрѣть на типъ Ивана Ильича способны только тѣ, кто думаетъ, что этотъ типъ съ какимъ-то злымъ, коварнымъ умысломъ срисованъ съ нихъ самихъ — съ тѣхъ самыхъ, кто его такъ критикуетъ. Такие люди защищаютъ самихъ себя и за собой не видятъ или не желаютъ видѣть никого и ничего. А между тѣмъ имъ стоитъ только оглянуться — они увидятъ тысячи Ивановъ Ильичей; имъ стоитъ обратиться къ первому чиновнику — въ провинціи, въ столицѣ, гдѣ угодно — и тотъ имъ уяснитъ, правдивъ-ли этотъ типъ, распространенъ-ли онъ. Я убавлю на очень интересный фактъ — есть люди и ихъ много, которые, когда прочли повѣсть Толстого, не только пожалѣли

въ самомъ дѣлѣ жалкаго Ивана Ильича, но не задумались признаться въ положительной симпатіи къ Ивану Ильичу. Одно ужъ это говорить за то, что никакъ нельзя отрицать въ толстовской повѣсти ни художественной, ни житейской правды. Симпатіи къ каррикатурному лицу быть не могло.

Этимъ можно ограничиться. Вопросъ о томъ, какъ отнеслось общество къ Ивану Ильичу, какія чувства и идеи возбуждалъ въ немъ этотъ типъ—я послѣ этого могу считать уже поконченнымъ. Отвѣты на него не только подтверждаютъ вѣрность, всеобъемлемость и глубину, а вмѣстѣ съ тѣмъ и важность типа.

Мнѣ остается указать на отношеніе того же общества къ разсказу г. Чехова, а въ частности къ герою Чехова. Установилось мнѣніе, что «Скучная исторія» есть отголосокъ, новая погудка на ту же толстовскую тему и что ученый Чехова есть отраженіе толстовскаго Ивана Ильича. Для иллюстраціи я могъ бы обратиться къ фельетонной критикѣ, но вмѣсто этого я приведу образчикъ незатѣйливой, безхитростной и вмѣстѣ съ тѣмъ талантливой, сравнительной характеристики обонхъ разбираемыхъ разсказовъ и героевъ, принадлежащей одному изъ современныхъ молодыхъ читателей. Критеріемъ оцѣнки автору служила сила непосредственнаго впечатлѣнія, произведеннаго разсказами. Характеристика, которую я приведу, не только драгоценна тѣмъ, что иллюстрируетъ извѣстнымъ образомъ отношеніе извѣстной части общества къ интересующему насъ явленію, но также и тѣмъ, что безпристрастна и вмѣстѣ съ тѣмъ глубока.

«По моему мнѣнію, говорить читатель, разсказъ Толстого—оригиналь, общая тема, а разсказъ Чехова—варіація, частный случай общаго правила; при этомъ Чеховъ совсѣмъ далекъ отъ подражанія. Быть можетъ, есть влияніе? Но и объ этомъ мы не смѣемъ говорить безусловно, потому что вообще русская литература почти непрерывно говоритъ о правдѣ въ жизни, о жизни по совѣсти, по-божески. Во всякомъ случаѣ разсказы эти по существу довольно близки, за это говорить намъ наше непосредственное чувство и потому невольно задашь себѣ вопросъ: который же разсказъ удачнѣе воздѣйствуетъ и почему?»

«Такъ какъ оба разсказа имѣютъ тенденціей изобразить неполноту и даже ложность извѣстнаго строя жизни, то первой задачей для обонхъ было—изображеніе таковаго строя

жизни, изъ котораго читатель могъ бы убѣдиться въ известной степени фальшивости его, въ превратности... Исполнена задача ярче и сильнѣе у Толстого.

«Во-первыхъ, онъ взялъ такую среду, лживость которой для всякаго можетъ быть понятна, ибо легко допустима — тогда какъ мѣръ науки, избранный Чеховымъ, не заподозренъ даже большинствомъ въ грѣхахъ со стороны правдивости и полноты жизни.

«Помимо этого Толстой лживость и внутреннее противорѣчіе свѣтскаго круга живописуетъ чрезвычайно тонкими и мѣткими, и вмѣстѣ съ тѣмъ, естественными красками; всю жизненную фальшь онъ воплощаетъ въ образы, и у читателя при видѣ ихъ уже кипитъ негодованіе въ груди. Читатель осязаетъ эту фальшь — и этого не достааетъ въ разсказѣ Чехова, хотя и здѣсь картинность не всегда отсутствуетъ. Затѣмъ, чтобы открыть ложь и неполноту жизни, казая присуща ученой средѣ, на помощь намъ въ разсказѣ Чехова является анализъ и логика развитого ума знаменитаго ученаго. Про фальшь среды читатель узнаетъ, а надо чтобы онъ и осязалъ, и чувствовалъ... Читатель больше размышленіемъ, чѣмъ непосредственно изъ образовъ постигаетъ противорѣчіе жизни. Какъ ни на есть, но слово обличенія занесено и въ мѣръ науки — и въ этомъ заключается, по моему, заслуга нашего художника, его оригинальная черта.

«Другая особенность разсказа Толстого, придающая ему разительную силу и обаяніе, состоитъ въ томъ, что въ немъ представленъ самый рѣзкій, ужасающій случай того, какъ можетъ кончиться и къ чему привести ложь современной «цивилизованной» жизни. Случай съ Иваномъ Ильичемъ — самый ужасный изъ тѣхъ, которые могутъ быть въ нашемъ обществѣ при проясненіи сознанія.. Для того, чтобы опомниться и сбросить иго, мало было рѣшимости и очень большихъ страданій; опомниться заставила Ивана Ильича только смерть — это послѣднее средство просвѣтленія человѣческаго духа. Какъ упорно не соглашался Иванъ Ильичъ признать идею о фальши своей жизни! Какъ, значитъ, сильно онъ свыкся съ ней! Какихъ страшныхъ мученій стоило ему усвоеніе истины! И все-таки же истина пришла — почти насильственно. Онъ понялъ, наконецъ, что нужно всѣхъ и даже тѣхъ, кого онъ не любилъ, жалѣлъ. А онъ ихъ не жалѣлъ!.. Никогда! Читатель поглощается всецѣло страшными картинками ужасающей, нравст-

венной драмы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видитъ и исходъ.— Въ разсказѣ Чехова вопросъ о лживости, односторонности ученой жизни поставленъ далеко не такъ категорически и убѣдительно какъ у Толстого. Отвѣта на вопросъ: «какъ жить?» въ немъ не дано, какъ будто Николай Степановичъ, герой разсказа, и не сумѣлъ и не успѣлъ еще его выстрадать. Герой разсказа ясно чувствуетъ разрозненность и обособленность главнѣйшихъ моментовъ своей жизни; онъ сознаетъ, что въ его жизни есть изъянъ и дальше этого сознанія онъ не идетъ. Меня даже удивляетъ то спокойствіе, съ какимъ онъ приходитъ къ отрицательному приговору надъ всей своей жизнью. Онъ говоритъ, что «Богъ живого человѣка» въ немъ отсутствовалъ; а дальше что? Что надо дѣлать? Отвѣта нѣтъ. Какимъ же образомъ соединить въ себѣ и человѣка, и ученаго? Быть можетъ, это и несомѣстимо? А, можетъ, трудно совмѣстимо? А, можетъ, совмѣстимо хорошо? Определеннаго завѣта людямъ Николай Степановичъ не далъ, а ограничился общими фразами—у него-де не было общей идеи! Это пугаетъ читателя и мучаетъ его, но не даетъ пути спасенія. Разсказъ разубѣждаетъ всякаго читателя въ обычномъ представленіи о цѣлостности и идейности ученой жизни и вызываетъ большую внимательность къ себѣ. Но дѣло стало на полудорогѣ: разрушеніе сдѣлано, а созиданіе лишь смутно намѣчено, тогда какъ у Толстого на мѣстѣ разрушеннаго зданія воздвигнуто новое. Хорошо и то, что сдѣлано разрушеніе! Въ немъ слышно отервеніе отъ человѣка, возлюбившаго науку больше, чѣмъ людей, что всякое уклоненіе отъ жизни въ Богъ, отъ требованій разума и совѣсти, всякая специализація, въ томъ числѣ и ученая, умаляетъ человѣка, порабощаетъ его случайностямъ, лишаетъ пониманія запросовъ жизни и, наконецъ, приводитъ къ грустному сознанію, что жизнь имъ прожита не такъ».

Приведенныя мною замѣтки снова подтверждаютъ важность разбираемаго мною типа вообще и въ частности того, который обрисованъ г. Чеховымъ. Замѣтки нашего читателя настолько безыскусственны и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрны, что каждый, вѣроятно, увидитъ въ нихъ то, что думалъ самъ.

Типъ, только что обрисованный мною, схваченъ русскою и польскою литературою только въ самое послѣднее время и представляется не только интереснымъ, занимательнымъ, а исключительнымъ и выдающимся явленіемъ.

При появленіи такого рода много говорящихъ и уму и

Сказъ

47
Всѣмъ
какимъ
испытанію
са-ли

сердцу типовъ каждый убѣждается въ десятый разъ, что пресловутое «искусство для искусства» есть абсурдъ, обманъ, ловушка и что искусство есть орудіе, разсадникъ чувствъ, идей — иначе говоря, оно есть проводникъ определенныхъ настроеній.

Д. Струнинъ.